

© 2000 г. Г.П. НЕШИМЕНКО

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПО ПОВОДУ НОВЫХ ГРАММАТИК ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

Девяностые годы уходящего столетия в чешской лингвистике ознаменовались значительной активизацией деятельности по созданию комплектных грамматических описаний современного чешского литературного языка, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию.

Убедительным примером этого является прежде всего фундаментальная (800 с.) "Настольная грамматика чешского языка" [Příruční mluvnice češtiny 1995]. В 1996 г. увидели свет учебный курс "Чешский язык. Речь и язык" (далее – ЧЯРЯ) [Čeština. Řeč a jazyk 1996], а также осуществленное А. Едличкой новое, переработанное и дополненное, издание "Чешской грамматики" Б. Гавранека и А. Едлички (первое издание вышло в 1960 г., последнее – в 1981 г.; см.: [Havránek, Jedlička 1960]). Названные книги удачно дополняют друг друга, создавая емкое, хотя и не всегда идентичное в концептуальном отношении представление о современном чешском языке.

Заслуживает упоминания и такое менее масштабное, хотя и весьма наглядное и удобное для использования учебное пособие как "Чешский язык сегодня" [Čeština našich dní 1996]. Ориентация авторов последнего (Р. Брабцова, О. Мартинцова, К. Вондрак, В. Станек) на вполне конкретного адресата – школьников – предопределила и выбор популярного стиля изложения (не случайно в текст книги включен и краткий терминологический словарь, облегчающий усвоение учащимися современных научных представлений о языке).

Нельзя не отметить, что бережное и даже трепетное отношение к литературному языку и его культивированию традиционно принадлежит к приоритетам чешской лингвистики, достигшей исключительных успехов не только в чисто научных изысканиях, но и в научно-популярном жанре. Назовем выборочно лишь некоторые из работ подобного рода (мы намеренно приводим перевод названий на русский язык): Вл. Шмиляуер, Фр. Вагала "О чешском языке для чехов" [Šmilauer, Váhala 1963]; Фр. Йилек "Остроумие чешского языка" [Jílek 1967]; Я. Хлоупек "Проверь о чешском языке" [Chloupek 1968] и "Книжка о чешском языке" [Chloupek 1974]; "Чешский язык повседневный и не повседневный" [Čeština všední i nevšední 1972]; Кв. Кожевникова "Чтобы речь не прерывалась" [Koževníková 1984]; Д. Шлосар "Пособие по языку" [Šlosar 1985]; П. Эйсер "Советы чехам, как играючи научиться чешскому языку" [Eisner 1992]; Св. Чмейркова, Фр. Данеш, Й. Краус, И. Свободова "Чешский язык, каким вы его знаете и каким не знаете" [Čmejrková, Daneš, Kraus, Svobodová 1996] и мн. др. Авторы этих книг в ходе остроумной и увлекательной беседы знакомят читателя со всеми перипетиями и сложностями, подстерегающими его при пользовании родного языка.

В ходе последующего изложения в поле нашего зрения главным образом будет находиться "Настольная грамматика чешского языка" (далее: НГ). Оговоримся, однако, что в наши задачи не входило подробное рассмотрение содержания НГ, тем более ее рецензирование. Мы стремились по мере возможности уточнить значимость этой книги в общем контексте развития теории и методики чешской лингвистики

второй половины XX в., а также то, насколько она отражает специфику современной чешской языковой ситуации. Эпизодически мы будем касаться и другой книги – "Чешский язык. Речь и язык", заслуживающей, впрочем, в силу своей значимости специального рассмотрения.

Выход в 1995 г. НГ явился началом своего рода грамматической "атаки". И действительно после довольно длительного перерыва во второй половине 90-х годов была вновь продолжена традиция создания грамматических описаний чешского языка широкого профиля. Напомним, что предшествующие грамматики подобного рода относились к первой половине столетия (ср.: [Gebauer J., Ertl V. 1928; Gebauer J., Trávníček Fr. 1936; Trávníček 1951]).

Для чешской языковой культуры грамматики 90-х годов стали событием не только важным, но и в высшей степени симптоматичным и своевременным. Красноречивым подтверждением этого является факт, что уже в 1996 г., т.е. в беспрецедентно короткий срок, возникла потребность не только в переиздании НГ, что и было осуществлено, но и в переводе ее на другие языки, в частности, английский и немецкий. О значимости НГ свидетельствует и дискуссия, состоявшаяся в октябре 1996 г. в Карловом университете в Праге, в ходе которой ее участники имели возможность обсудить представленные авторами НГ концепции соответствующих глав грамматики.

Граматики 90-х годов являются синтезом новейших достижений лингвистической мысли. Выработанная в результате этого синтеза концептуальная основа (ср., например, учет коммуникативного, семантического и прагматического аспектов) сформировалась в ходе предварительной селекции существующих теоретических воззрений.

Сказанное в полной мере относится к НГ, наглядно иллюстрирующей, в частности, эффективность коммуникативного подхода. Это прослеживается в главе о синтаксисе чешского языка, самой большой в книге (ср., например, интерпретацию такого понятия как "коммуникативная ситуация" или же типологию коммуникативных функций высказывания и т.п.). Коммуникативно-прагматический подход весьма продуктивно используется в главе о стилистике. Достаточно привести некоторые определения понятия "стиль": "стиль является **фактом речи**, а не языка. О стиле мы можем говорить тогда, когда язык участвует в коммуникации" [Příruční mluvnice češtiny 1995: 701] или же "стиль представляет собой совокупность сопутствующей информации об объективных и субъективных условиях коммуникации" [Там же: 702]. Соответственно именно коммуникативная функция считается важнейшим стилеобразующим фактором.

Большую роль в подготовке данных грамматических курсов сыграла фундаментальная академическая грамматика чешского языка, созданная в 80-х годах коллективом сотрудников Института чешского языка ЧСАН [Mluvnice češtiny (D. 1: Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov 1986; D. 2: Tvarosloví 1986; D. 3: Skladba 1987)]. Эта грамматика представляет собой исчерпывающее синхронное описание грамматической системы современного чешского языка, выполненное на основе новейших теоретических и методических достижений языкознания.

Немаловажное значение имели и результаты многочисленных монографических исследований различных уровней системы чешского языка. Назовем для примера капитальные исследования по чешскому словообразованию и ономазиологии М. Докулила (ср., в частности [Dokulil 1962]). Кстати, именно М. Докулилом написан словообразовательный раздел в ЧЯРЯ), коллективный труд по словообразованию существительных, выполненный в Институте чешского языка ЧСАН [Tvoření slov v češtině: 1967. D. 2], наконец подготовленные в том же Институте, но, к сожалению, до сих пор не опубликованные коллективные монографии по глагольному и адъективному словообразованию.

Нельзя не отметить, что в состав авторов как НГ, так и ЧЯРЯ входят известные ученые, имеющие многолетний опыт педагогической деятельности в высшей (или же средней) школе. Многие из них участвовали в создании капитальных монографических исследований, существенно обогативших современную лингвистическую науку. Так, НГ является результатом усилий ученых из Института чешского языка философского

факультета университета имени Т.Г. Масарика в Брно (М. Крчмова – фонетика и фонология; З. Гладка – лексикология; Д. Шлосар – словообразование; З. Русинова и М. Некула – морфология; М. Грепл, П. Карлик, М. Некула – синтаксис; М. Елинек – стилистика). Написание ЧЯРЯ осуществлялось коллективом авторов, представляющих различные научно-исследовательские и педагогические центры Чешской республики (М. Чехова – предисловие, общий раздел, номинация, слово, части речи, грамматическое значение слов, коммуникат и текст; З. Главса – звуковое и графическое описание языка; М. Докулил – словообразование; З. Грушкова – система словоформ; Й. Грбачек – высказывание и предложение, комбинация высказываний и их разновидности).

Как следует из предисловия к НГ, основная цель этой грамматики – отнюдь не теоретическая, а **информативная**: она знакомит с языковыми фактами, относящимися к различным языковым уровням. Жанр информативного, справочного пособия предопределил необходимость компактного, четкого и наглядного изложения материала с тем, чтобы облегчить ориентацию в тексте книги. Это означало также максимальное ограничение полемики, вынуждало идти на определенные компромиссы, оставляя "за сценой" возможные теоретические и методические разногласия [Příruční mluvnice češtiny 1995: 17]. Характеризуя в целом данный труд, можно сказать, что это не просто нормативная, а нормативно-концептуальная грамматика.

Обобщая результаты современных исследований в области богемистики, авторы НГ делают это в форме, доступной для восприятия читателя, не имеющего профессиональной лингвистической подготовки. Как говорится в предисловии к НГ, ее адресат – активный пользователь литературного языка, который, не имея специального лингвистического образования, тем не менее хочет или же по роду своих занятий должен изъясняться правильно, кто имеет образование по крайней мере в объеме средней школы [Příruční mluvnice 1995: 17-18]. К сказанному выше следует добавить, что НГ может служить надежным справочным пособием и для профессионалов в лингвистике, т.е. для языковых консультантов, редакторов и т.д.

Очевидной является и ее полезность при преподавании чешского языка как иностранного. Ценными в этом отношении являются сведения о семантико-коммуникативной значимости интонации, о смысловоразличительной функции долгих и кратких гласных (например, в формах типа *kropící konec* 'лейка' – *kropící muž* 'поливальщик; мужчина, который поливает', *brzdící zařízení* 'тормозное устройство' – *brzdící vůz* 'машина, которая тормозит' и т.п.), о членении связного речевого потока, о фонологических особенностях заимствований в чешском языке и их адаптации, о специфике графических систем. Для освоения чешского языка иностранцами важны и имеющиеся в НГ наблюдения за порядком слов в предложении (см. главу о синтаксисе), многочисленные стилистические комментарии и т.п.

Внимания пользователя грамматики заслуживают статистические данные об объеме активного и пассивного словаря чешского языка. Так, авторы НГ полагают, что активный словарь индивидуума (т.е. лексика, используемая как в устных, так и письменных высказываниях) в целом составляет примерно 5 000–10 000 слов (разброс зависит от интеллектуальных способностей, уровня образования, социального положения и пр.); пассивный словарь (т.е. численность слов, которые индивидуум понимает, но не использует активно) у человека со средним образованием – примерно 40 000 слов.

Интерес представляет и классификация типов словарей чешского литературного языка с их краткой характеристикой: к числу фундаментальных словарей нормативного типа относятся такие широко известные словари как *Slovník spisovného jazyka českého*, 1989 (около 192 000 словарных статей), *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*, 1994 (48 000 словарных статей). *Příruční slovník jazyka českého*, 1935–1957 (250 000 словарных статей) характеризуется как описательный, он включает лексику не только из литературного языка, но и частично из других форм существования чешского языка (от себя добавим, что в нем представлена лексика, относящаяся к

различным синхронным пластам, что видно как из соответствующих словарных помет, так и приводимых примеров).

В отличие от НГ учебное пособие ЧЯРЯ адресовано более подготовленному в лингвистике читателю: "Книга может представлять интерес для читателей, которые, имея за собой начальный курс специализации по чешскому языку, хотят углубить и расширить свои знания предмета. Мы ориентировались на профессионального пользователя литературного чешского языка, на преподавателей, причем не только чешского языка, на студентов общественных дисциплин, включая богемистику, а также на учащихся средних школ, проявляющих глубокую заинтересованность в чешском языке" [Čeština. Reč a jazyk 1996: 17]. Не случайно, помимо краткого предисловия, в ЧЯРЯ имеется достаточно развернутый общий раздел, в котором в свете коммуникативного подхода разъясняются такие принципиально важные понятия, как речь и язык, номинация и пр., уточняется диапазон задач, стоящих перед лингвистической богемистикой. Здесь же дается типологическая характеристика чешского языка, а также определяются его социолингвистические параметры.

Ориентация НГ на массового читателя сделала необходимым включение во все специализированные главы книги краткой интерпретации основного понятийно-терминологического аппарата. В этих интерпретациях удачно соблюден баланс: с одной стороны, предложенные дефиниции в своем большинстве доступны для читателя, не имеющего специальной подготовки; с другой, выдержанные в духе современных научных представлений, они вполне корректны и могут служить справочным материалом и для лингвистов различной профессиональной специализации.

Существенно и то, что понятийно-терминологический аппарат, как правило, удачно "вмонтирован" в текст изложения. Так, в главе о фонетике и фонологии термины-понятия (**фонема**, **фон**, **аллофон**, **фонологическая оппозиция**, **морфонема**, **фонологическая транскрипция** и пр.) вводятся постепенно, по мере включения соответствующего материала. В главе "Лексикология", весьма трудной для компактного написания, освещаются такие важнейшие понятия как **слово**, **лексема**, **лексическая единица**, **многословное наименование**, **фраземы** и т.п. (впрочем, здесь терминология вводится, на наш взгляд, несколько массивованно).

В силу сказанного выше надобность в специальном терминологическом словаре в НГ отсутствует. Мало того, здесь имеется предметный указатель, отсылающий к определенным фрагментам текста. Менее оправданным является отсутствие библиографии, хотя отдельные отсылки к литературе вопроса все же имеются.

Примечательно также, что если в НГ вполне определенно заявляется о том, что данный труд является **грамматикой**, то авторы ЧЯРЯ, напротив, делают оговорку, что это не грамматика в обычном смысле слова. В предисловии к ЧЯРЯ также уточняется, что в поле зрения будут находиться речевые и языковые единицы более высокого уровня, т.е. такие, как номинация – слово; высказывание – предложение; коммуникат – текст; в меньшей степени – единицы низшего уровня (звук – фонема). Справедливости ради следует отметить, что НГ также выходит за рамки традиционных представлений о грамматике: наряду с такими разделами, как фонетика и фонология, лексикология, словообразование, морфология, синтаксис, она включает и большой раздел о стилистике. Расширенное понимание грамматики представлено, впрочем, и в "Чешской грамматике" Б. Гавранека и А. Едлички.

Основной целью НГ (равно как и ЧЯРЯ) является описание грамматической системы современного чешского **литературного** языка, т.е. той формы существования, "которая используется и которую надлежит использовать в публичной коммуникации, письменной и устной, т.е. это **обработанная** форма нашего национального языка" [Průběh mluvnice češtiny 1995: 17].

В силу этого интерпретация языкового материала в НГ (сказанное в полной мере относится и к ЧЯРЯ) носит не только описательный, но и **предписательный** характер, т.е. она отражает современную кодификацию литературного чешского языка (см. комментарии к вариативным языковым средствам). Приведем выборочно некоторые

примеры регламентации. Так, не рекомендуются для употребления в школьной речи обращения типа *pane ředitel!* (т.е. без звательной формы у второго существительного, они квалифицируются как субстандартные, т.е. нелитературные [Příruční mluvnické češtiny 1995: 236]. Как гиперкорректная, т.е. ошибочная [Там же: 247], оценивается форма *svůdče!* (зват. пад. по типу *otče!*) и т.п. Впрочем, упомянутая предписательность не является жесткой, прямолинейно директивной.

Существенно и то, что для сглаживания различий между устным узусом и официальной "литературностью", обуславливающих определенную коммуникативную дискомфортность, в НГ (см., в частности, главу о стилистике) рекомендуется постепенно сближать кодификацию литературного языка и узус языка повседневного общения [Příruční mluvnické češtiny 1995: 728]. В этом отношении НГ во многом преемственна к новым Правилам чешского правописания [Pravidla 1993].

Следует подчеркнуть, что как в НГ, так и в ЧЯРЯ литературный язык интерпретируется не как **изолированный** феномен, а с учетом общего социолингвистического фона современного чешского национального языка, т.е. в контексте взаимосвязей литературного идиома с другими формами существования, прежде всего с разговорной речью. Примечательной особенностью НГ является то, что, помимо литературного языка, она выборочно включает также данные о других формах существования чешского языка. Подтверждением этого служит не только включение кратких социолингвистических сведений, предваряющих основное изложение, но и многочисленные стилистические комментарии внутри самого текста, сопровождающие приводимые вариативные языковые средства. В отличие от более ранних грамматик чешского языка социолингвистические параметры описания здесь определены достаточно четко. Не можем, однако, не отметить, что толкование некоторых социолингвистических понятий, тем более дискуссионных, все же остается не вполне проясненным – ср., например, понятие *hovorový jazyk*, не имеющее эксплицитного толкования.

Специфику НГ составляет и то, что в ней уделяется большое внимание сосуществующим в современном чешском литературном языке альтернативным формам. Центральное место в их ряду занимают **стандартные** языковые средства, которые, как говорится в предисловии к НГ, в принципе являются правильными, однако их использование приемлемо не во всех случаях [Příruční mluvnické češtiny 1995: 17].

Стандартным языковым средствам противопоставлены средства **субстандартные**, т.е. слова и формы слов, употребление которых, несмотря на их очень большую распространенность, не уместно в публичных высказываниях (ср. [Там же: 18]). Подобное определение субстандартных средств (тем более в таком установочном разделе как предисловие), на наш взгляд, оставляет множество вопросов, особенно если учесть, что сфера функционирования литературного языка отнюдь не ограничивается лишь публичной речью. Субстандартные средства в НГ не служат предметом систематического описания, однако в необходимых случаях они сопровождаются специальным комментарием.

Что касается стилистической характеристики языковых средств, то в грамматике применяется следующая шкала: средства **нейтральные**, т.е. беспризнаковые, с неограниченными возможностями включения в текст – именно они и составляют основной костяк, ядро описания. Менее распространены средства **книжные**, используемые в текстах с высшей культурной функцией, т.е. прежде всего в **письменных** текстах. К периферии отнесены средства **архаические**, заимствованные из литературы предшествующих эпох. Наконец, в устных обработанных текстах встречаются **разговорные** (*hovorové*) языковые средства (формы слов, слова и предложные конструкции), которые из сферы устной коммуникации постепенно проникают и в тексты письменные, прежде всего публицистические (ср. [Там же: 17]).

Приведенная стилистическая школа представляет собой своего рода канву, по которой и осуществляется в дальнейшем описание языкового материала. Это касается

морфологии, а также произносительных норм, представляющих для пользователя, особенно иностранного, наибольшие трудности. В какой-то мере та же шкала применяется и для синтаксиса. При характеристике словарного состава ее использование имеет преимущественно ориентационное значение и предполагает введение некоторых дополнительных показателей. Детально рассматривается данная шкала в главе о стилистике, где в соответствии с античной классификацией стилей (высокий/средний/низкий) выстраивается стилистическая ось (нейтральный/разговорный/книжный).

Заслуживает внимания проводимое в НГ разграничение произносительных норм на повседневные и нормы культивированного публичного общения. Так, для совершенствования речевой культуры в сфере устного публичного общения, в том числе и в устных СМИ (что, кстати, немаловажно и в практике преподавания чешского языка) необходимо учитывать три вида произносительных норм: произношение **тщательное** (торжественное), отличающееся четкой артикуляцией звуков в группах согласных, соблюдением долгих гласных, а также сегментации слов (с тем, чтобы слова не сливались друг с другом); **нейтральное**, уместное в высказываниях, в языковом отношении хотя и отшлифованных (культивированных), но не являющихся репрезентативными (имеется в виду речь дикторов радио и телевидения или же лиц, выступающих с важными в содержательном отношении сообщениями) и, наконец, **повседневное**, характерное для неподготовленных публичных устных высказываний, где допустимо упрощение некоторых групп согласных (ср. [Příruční mluvnice češtiny 1995: 28]). В дальнейшем, впрочем, используется еще одно понятие – "небрежное произношение" (*nepečlivá výslovnost*); ср.: "произнесение конечных гласных как долгих свидетельствует о небрежном произношении. Иногда это может нести экспрессивную нагрузку" [Там же: 28]. Важным представляется и итоговое утверждение о том, что культивированное произношение не исключает наличия дублетов [Там же: 28].

Приводимая выше градация произносительных норм в принципе вполне убедительна. Вызывает, однако, недоумение противопоставление в параграфе об упрощении групп согласных (глава о фонетике и фонологии) литературного и "тщательного, старательного" (*pečlivý*) произношения: произнесение форм *jsem, jsi* как [sem], [si] оценивается как литературное, а [jsem] [jsi] как тщательное [Příruční mluvnice češtiny 1995: 58]. Более уместным, на наш взгляд, был бы здесь термин "гиперкорректность", поскольку, как следует из предыдущего изложения, за исключением субстандартной все остальные произносительные нормы укладываются в рамки литературного произношения.

Говоря выше о своевременности выхода НГ, мы имели, в частности, в виду то, что данное событие пришлось на период, когда вопросы о состоянии чешской языковой культуры и чешской языковой ситуации после длительного перерыва привлекли к себе внимание не только лингвистической печати, но и общественности в целом. Именно в начале 90-х годов стихийно возникает публичная дискуссия о чешском языке, в которой, помимо специалистов, участвуют и непрофессионалы (ср. [Kořenenskú 1996]). Корни этой полемики восходят к концу 50-х – началу 60-х годов XX в., когда в чешской лингвистике проходила весьма острая дискуссия о состоянии вербальной коммуникации в чешском социуме, о динамике литературной нормы, взаимоотношении литературного языка с разговорными идиомами, прежде всего с феноменом *obecná čeština*. Значимость этой дискуссии для последующего развития не только богемистики, но и мировой славистики в целом общеизвестна.

Причиной дискуссии начала 90-х годов во многом стали упоминавшиеся выше Правила чешского правописания [Pravidla 1993], которые в определенной степени допускали включение в кодификацию литературного языка элементов языка разговорного. Именно эти подготовленные сотрудниками Института чешского языка Чешской академии наук Правила и вызвали в чешском обществе бурную, причем весьма неоднозначную реакцию, явились своего рода "спусковым крючком". Характеризуя вспыхнувшую полемику, Я. Корженский пишет: "Борьба, развернувшаяся

недавно в сфере орфографии, в сущности, сводилась к требованию... архаизации нашей орфографии, т.е. интеллектуальной аристократизации" [Kofenský 1996: 36].

Возникновение дискуссии, таким образом, во многом было обусловлено столкновением двух позиций: с одной стороны, намерением оградить литературный язык от разговорной стихии; с другой – попытками включить в кодификацию некоторые элементы языка повседневного общения в качестве допустимых вариантов. Объяснить остроту полемики лишь тем, что любая коррекция орфографических норм зачастую наталкивается на сопротивление (напомним о практически безуспешных попытках реформирования чешского правописания в 80-е годы), было бы все же упрощением.

Для чешской языковой среды проблема соотношения нормы разговорного и литературного узусов является особенно значимой в силу специфики языковой ситуации. Отметим в этой связи следующее.

1. В чешском языке в силу исторических обстоятельств дистантность литературной нормы и нормы языка непринужденного повседневного общения, присущая **любому** языку, выражена более выпукло. Прослеживаемая на всех уровнях языковой системы, она порой может служить причиной даже некоторой коммуникативной дискомфортности. Ср.: "Между живой языковой практикой и стандартным (т.е. литературным. – Г.Н.) чешским языком существует ощутимое напряжение, которое не смогло снять даже его функциональное культивирование, продолжающееся без малого столетия. Мы сталкиваемся с этим в школе, при переводе произведений художественной литературы. В полной мере это осознают и иностранцы, которые, выучив чешский язык по учебникам литературного языка, попали в чешскую языковую среду. С тем же сталкиваются телезрители, радиослушатели, читатели произведений художественной литературы. Точно такое же препятствие возникает, когда мы, пытаясь получить информацию о некоторых явлениях живой языковой практики, обращаемся за помощью к справочникам по литературному чешскому языку. Довольно скоро мы убеждаемся в том, что чем больше эти справочники отходят от своего исконного назначения информировать исключительно лишь об особенностях литературного языка, тем больше от них пользы" [Starý 1994: 18].

2. По сравнению с другими славянскими языками в чешском манифестации языка непринужденного повседневного общения имеют гораздо более высокий социолингвистический статус. Сказанное в особенности относится к феномену *obecná čeština*, нормативные элементы которого, начиная с середины XX в., широко проникают как в публичную коммуникацию, так и в язык художественной литературы (в том числе и в авторскую речь; ср. по этому поводу [Stich 1975]). Приведем в качестве иллюстрации примеры из авторской речи, а также речи персонажа в произведении современного молодого прозаика Я. Тополя (Jáchym Topol. *Výlet k nádražní hale*. Praha, 1995); (**авторская** речь): *Ale druhý den tam stála soška ženy, měla havraní vlasy, zelený oči, vsazený drahý kameny, ty vlasy byly lidský* (9 s); *Zkoumal jsem, jak umořit svého zdravýho ducha v obchodním podnikání* (10 s); *Jeho gorilky ji pak ještě zpracovaly tak, aby jakž takž přežila, a i s tím mrtvým odborníkem na ochranu ji zabalenou v zločinama potřísněném koberci vykllopili za město na smetiště* (11 s.); (речь **персонажа** – журналиста): *Vohojí, to je fuk. Dodaj ti brožuru s parametrama. Ale maj zájem o deníky... Je tu seznam inženýrských svini;... Rozhovory s nima, zaplacený expertízy a tak. Stojej o podrobný články v politickejch plátcích, hlavně mimopražskejch. Máš to vobšlápnutý i venku?* (32 c). Во всех этих примерах, пусть и не всегда последовательно, воспроизводятся типичные фонологические и морфологические (в данном случае мы оставляем в стороне лексические особенности) приметы разговорной чешской речи (*obecná čeština*), причем преимущественно в ее сленговой манифестации (они выделены нами жирным шрифтом, какая-либо графическая маркировка, т.е., к примеру, кавычки, здесь отсутствуют). Ср. в авторской речи: перегласовка *é > ý*, флексия *-ata* во мн. числе – данные изменения морфологически значимы, они фиксируют родовую унификацию при склонении прилагательных во мн.

числе. В речи персонажа приметы разговорной речи представлены несравненно больше: в добавление к приведенным выше это, например, наличие вставного *v* перед начальным *o*, переход $\acute{y} > ej$, использование усеченных глагольных флексий, специфической разговорной лексики и т.п.

Не случайно многие исследователи воспринимают и соответственно характеризуют феномен *obecná čeština* как **престижную** форму существования чешского языка. Нередко они даже опасаются возможности ее конкуренции с литературным языком. Подобное опасение, впрочем, представляется нам сильно преувеличенным, поскольку названные манифестации чешского языка не являются **изофункциональными** (а именно это необходимо для возникновения конкуренции), между ними существуют выраженные субстанциональные и коммуникативные отличия, не исключающие, разумеется, взаимопроникновения элементов.

3. Несмотря на компактность чешскоязычного континуума, его интеграция не зашла все же настолько далеко, чтобы *obecná čeština* стала **единственной** манифестацией разговорного языка, признаваемой на всей территории. Так, например, некоторые ее приметы противоречат региональному языковому сознанию, скажем, в Моравии, вызывая соответственно негативную реакцию. Примечательно, что нередко в зависимости от региональной принадлежности исследователя, т.е. от того, происходит он из западной или же из восточной части чешскоязычной территории, варьируется и оценка идиом *obecná čeština*: либо подчеркивается его **общезначимая** значимость, его "центральность" (в первом случае), либо, напротив, он приравнивается к **другим** региональным интердиалектам (случай второй). Последнее, возможно, обуславливается инстинктивным желанием защититься от "прагоцентризма" (напомним, что *obecná čeština* является языком Праги и западной части региона в целом).

Учитывая важность процессов, происходящих в современной чешской языковой ситуации, главный редактор лингвистического журнала "Jazykovědné aktuality" Я. Корженский обратился к читателям с призывом начать уже не стихийное, а широкое обсуждение проблемы функционирования современного чешского языка: "Произошедшие в нашей стране огромные экономические, политические и общественные изменения не дают никому права на спокойствие и бездействие, ни отдельному человеку, ни какой бы то ни было социальной группе внутри нашей национальной и государственной общности. Эти изменения, затрагивающие все наши ценности, наше отношение к ним, с самого начала коснулись языка, характера, способностей и возможностей общения. Распространяются они и на наше отношение к национальному языку, к другим языкам, особенно международным" [Kořenský 1996: 36].

Нельзя не отметить, что первые статьи, появившиеся в ходе этой, уже организованной, дискуссии, не только выявили остроту и болезненность обсуждаемых вопросов, но и обозначили полярные позиции (ср. статьи Й. Гронека и П. Сгалла, Я. Бартошека, Ф. Чермака [Hronek, Sgall 1996; Bartošek 1997; Čermák 1997]).

Следует признать, что ограниченные возможности контроля за соблюдением литературной нормы, что особенно характерно для современной коммуникации как письменной, так и особенно устной, снижение качества языкового обучения в школе, вовлечение в состав пользователей литературного языка лиц с разным уровнем языковой компетенции, преимущественно "слуховое" приобщение к информации, т.е. не столько через чтение, сколько через устные СМИ и прежде всего ТВ и т.п. – все это, наряду с намеренным речевым эпатажем, "рассказывает" литературную норму, способствует ее большей лабильности, снижению авторитета кодификации. Очевидным является и происходящее изменение правил речевой эстетики в направлении большего включения разговорных элементов, массовизации, усреднения и даже огрубления. Данное явление в целом имеет **универсальный** характер, т.е. наблюдается практически во всех языках. Подробнее мы касаемся этих проблем в монографии [Нещименко 1999].

При написании НГ использовались как общие, так и специальные теоретико-методические приемы, характерные для тех или иных научных дисциплин. Перво-степенное место в их ряду, несомненно, занимает универсальная оппозиция "центр – периферия".

Учитывая важное операциональное значение данной антиномии, а также то, что она используется во многих главах книги, очевидно, имело бы смысл дать эксплицитное толкование ее релевантной основы либо в предисловии, либо в одной из глав НГ. К сожалению, подобные разъяснения практически отсутствуют. Так, в зависимости от того, на каком материале используется названная оппозиция, ее семантическая наполненность меняется. В главе о фонетике и фонологии предлагается следующая ее трактовка: "некоторые фонемы широко используются и, следовательно, образуют **центр фонемного инвентаря**; на **периферии** находятся фонемы, используемые минимально [Příruční mluvnice češtiny 1995: 25]. Следуя этому правилу, М. Крчмова относит к разряду периферийных в чешском языке, к примеру, фонему *ó*, встречающуюся главным образом в заимствованиях, а также *é*. Что касается последней фонемы, то характеристика ее дистрибуции особенно существенна, так как употребление *í* вм. *é* является одной из наиболее типичных примет разговорной речи. Как отмечается в НГ, вопрос о принадлежности форм с *í* к литературной или же, напротив, к разговорной речи решается по-разному: так, лексемы типа *mlíko*, *plíst*, т.е. с *í* в основе слова, могут оцениваться как литературные. Лексемы *polívka* / *polévka* квалифицируются как дублиеты в рамках литературной нормы, причем форма с *é* считается более книжной. Частотность форм с *é* у слов, обозначающих понятия из культурной сферы, является более высокой, чем у слов, встречающихся в повседневном общении. Как субстандартные характеризуются формы с *í* (*y*) в окончаниях прилагательных; ср. *nový šaty*, *novýmu sousedovi* вм. *nové šaty*, *novému sousedovi*. Четкую позицию занимает автор и в отношении так называемого протетического *v* в начале слова (*vokno*, *vodnese* вм. *okno*, *odnese*): его не следует употреблять в литературной речи, лишь иногда лексемы со вставным *v* могут встретиться в устной публицистике и то только при цитации субстандартной речи или же во фраземах типа *ten to zvorál*.

В главе о лексикологии (З. Гладка) эта оппозиция интерпретируется следующим образом: "**Центром словарного состава** является определенное **ядро**. Оно включает слова, которые, называя важнейшие реалии повседневной жизни, являются неотъемлемым компонентом коммуникации (напр., *syn*, *voda*, *slunce*, *hlava*, *pes*, *dům*, *súl*). Ядерные слова в своем большинстве относятся к исторически наиболее древним и одновременно наиболее стабильным компонентам лексики в целом. В синхронном отношении они, как правило, не мотивированы и используются в качестве производящей основы для образования производных слов. Обычно это нейтральные обозначения, лишённые эмоциональной окраски, а также любой другой маркированности. Их численность в языке не велика, однако они отличаются высокой частотностью. Лексическому ядру противопоставлены лексические единицы с низкой частотностью, по разным причинам находящиеся на **периферии лексической системы** (напр., слова устаревающие: *batalion*, *kaprál* и т.п.)" [Příruční mluvnice češtiny 1995: 92–93].

Нетрудно заметить, что в обоих случаях при разграничении центра и периферии решающее значение придается частотности употребления языковых компонентов. Частотность в речевом потоке, социальная потребность в номинациях, характер социального заказа – все эти и другие факторы действительно играют существенную роль при определении центра и периферии, однако, на наш взгляд, они влияют прежде всего на **скорость** поляризации языковых средств между центром и периферией, а не на само их распределение. Хотелось бы также добавить, что вряд ли правомерно рассматривать периферию как нечто малозначительное, второстепенное. На самом деле это достаточно обширная и многослойная зона системы, оказывающая большое влияние на функционирование системы в целом. Следует учитывать также возможность миграции компонентов как центра, так и периферии, обуславливающей внутрисистемную динамику (см.: [Нещименко, Гайдукова 1994]).

Примечательно, что автор главы о словообразовании Д. Шлосар не использует оппозицию "центр–периферия", о чем, на наш взгляд, можно лишь сожалеть. Ее заменяет градация словообразовательных средств по степени их продуктивности, причем главным образом речь идет об оппозиции "продуктивность–непродуктивность". Как отмечает Д. Шлосар, его интересуют прежде всего продуктивные словообразовательные типы. Из числа непродуктивных предпочтение отдается наиболее репрезентативным типам. Используется, впрочем, и более развернутая шкала продуктивности, включающая и малопродуктивные, и ограниченно продуктивные форманты, хотя критерии разграничения этих ступеней продуктивности в тексте отсутствуют. Нельзя также не отметить, что в некоторых случаях пометы о степени продуктивности формантов либо отсутствуют (например, у дериватов на *-ník* на стр. 114 и 117), либо нуждаются в уточнении. Так, дериваты с суф. *-čno* типа *tragično*, *psychično*, *komično*, на наш взгляд, являются не столько редкими, сколько книжными, они используются в языке научной литературы, в эссеистике.

Для полноты описания системных словообразовательных закономерностей, по нашему мнению, важно было бы учитывать обе дифференциации, т.е. как по степени продуктивности, так и по принадлежности формантов к центру или же периферии системы, поскольку это вносит разную нюансировку в рассмотрение словообразовательной системы. Проведенные нами исследования по словообразованию (а также социолингвистике) показали исключительную результативность применения оппозиции "центр–периферия" как при систематизации языковых фактов, так и при выявлении **организующего принципа** строения любого уровня языковой системы. В ходе деривационного анализа семи словообразовательных категорий (исследование проводилось на материале чешского, русского, болгарского, сербохорватского, отчасти также польского и словацкого языков [Нещименко, Гайдукова 1994]) было, в частности, установлено, что в состав суффиксального центра как организующего ядра словообразовательной категории входят форманты, в комбинаторном отношении взаимодополняющие друг друга (правило так называемой комбинаторной достаточности). Последнее обстоятельство позволяет обеспечивать наиболее полный инвентарь производящих основ и, следовательно, способствует оптимальной реализации релевантного для данной словообразовательной категории деривационного значения.

В целом представленная в НГ характеристика словообразовательной системы чешского языка достаточно наглядно и информативно освещает такие способы словообразования, как аффиксальная деривация, словосложение, аббревиация. Уделяется внимание и такому важному явлению как адаптация заимствований (специальный раздел имеется почему-то лишь у прилагательных), что особенно актуально в нынешней ситуации при усилившемся притоке иностранной лексики, в первую очередь англицизмов. Не можем, однако, не отметить спорность отнесения к словообразованию степеней сравнения прилагательных – более оправданным, на наш взгляд, все же было бы их рассмотрение в главе о морфологии. Полутно, однако, выскажем предположение, что в современной речевой практике у прилагательных в сравнительной степени намечается некоторое ослабление градационного значения. В пользу этого говорят не только такие факты, как чешск. *starší pán* "пожилой господин", *mladší člověk* "молодой человек", но и распространенные ошибки, встречающиеся в русской устной речи, например, *все более четче* и им подобные, когда для усиления значения градационности, казалось бы избыточно, дополнительно привлекается наречие, т.е. привлекаются аналитические средства.

По имеющейся в главе о словообразовании маркировке сферы использования как отдельных образований, так и словообразовательных типов (ср., например, соответствующие пометы к словообразовательным типам с суф. *-ák*, *-áč*, *-l* и пр.) можно судить о взаимодействии литературного и разговорного языков. Нагладен в этом отношении и комментарий к дериватам, обозначающим различного рода документы, платежные и прочие подтверждения типа *platebka*, *doručenka*, *jízdenka*, *tramvajenka*, *povolenka*.

vtupenka, состав которых, как справедливо отмечает Д. Шлосар, активно пополняется за счет притока лексики из разговорного языка.

Наряду с основными способами выражения, встречающимися на всех уровнях системы (в произношении, способах номинации, формообразовании, синтаксисе), в НГ приводятся наиболее частотные **альтернативные** языковые средства, причем в некоторых случаях даже уточняется, в каких фрагментах системы отмечается наибольшее скопление вариантных форм – последнее, на наш взгляд, чрезвычайно важно для диагностирования потенциальных очагов напряженности в системе, очагов ее динамики.

Возникновение подобных альтернативных форм, с одной стороны, является результатом естественной эволюции языковой материи, ее склонности к вариативности (т.е. это внутриидиомные импульсы); с другой, отражает последствия взаимодействия литературного языка с иными идиомами чешского языка (междиомный аспект).

Так или иначе, возникновение вариативных языковых средств стимулирует развитие конкуренции, являющейся одной из интереснейших реализаций синхронной динамики. Кстати говоря, именно конкуренции языковых средств уделяется большое внимание в главе о стилистике; ср. определение стиля: "Стиль можно определить как результат отбора языковых средств из множества средств, конкурирующих друг с другом" [Příruční mluvnice 1995: 70]. Соответственно под понятием "конкурентное множество" имеется в виду группа средств, "которые реализуют основное коммуникативное намерение автора высказывания и которые в силу этого могут заменять друг друга. При этом компоненты конкурентных множеств могут различаться семантическими и стилистическими оттенками" [Příruční mluvnice 1995: 732]. В свете сказанного конкурентами признаются высказывания типа: *Měl bys ke mně přijet // Musíš ke mně přijet // Nepřijel bys? // Nemohl bys přijet? Nechtěl bys přijet? Co takhle jednou ke mně přijet?* Не можем, однако, не отметить, что подобная трактовка конкурентов нам представляется расширительной, поскольку в их состав включаются не только тождественные (как мы склонны думать), но и синонимичные языковые средства, не являющиеся, строго говоря, полностью эквивалентными единицами. С нашей точки зрения, конкурентные отношения могут возникать лишь между дублетами, т.е. полностью эквивалентными в семантическом и стилистическом отношении языковыми средствами; ср., например, дериваты со значением лица женского пола типа *dramaturgyně, dramaturžka; chirurgyně, chirurgka* или же формы 1 л. ед. числа *píšu // píší, kuruji // kuruji* и т.п.

Конкуренция, по нашему мнению, представляет собой равновесное состояние, кстати говоря, обычно кратковременное. Появление у дублетов семантических и стилистических отличий сигнализирует о прекращении конкуренции. В этом случае правомерно говорить не о синхронных, а о диахронных дублетах (ср. инфинитивные формы *nésti – nést*). С учетом сказанного правомерность квалификации в качестве синхронных дублетов некоторых форм, разошедшихся друг с другом в стилистическом отношении, у нас вызывает сомнение.

Анализ функционального соотношения исконных дублетов позволяет наглядно наблюдать синхронную динамику. Примечателен следующий комментарий НГ: форма род. пад. *do pohou*, являющаяся рефлексом формы дв. числа, по сравнению с формой мн. числа *do poh* в большинстве своем воспринимается как явно книжная. Форма *píši* (1 л. ед. числа) смещается в разряд нейтральной лексики, дублетная форма *píší* приобретает книжный характер; формы *kruji, kuruji* (также 1 л. ед. числа) из разговорных становятся нейтральными, в то время как *kryjí, kuruji* все больше приобретают оттенок книжности.

Учет альтернативных языковых средств дает возможность, с одной стороны, получить ценную информацию о функционировании чешского языка; с другой – осуществить в конечном итоге выбор языкового средства, наиболее пригодного для той или иной коммуникативной ситуации.

Материал, имеющийся в НГ, дает возможность наблюдать ряд тенденций, развивающихся в синхронии; ср., например, переход в твердое склонение существительных на согласные *l, s, z*, распространение некоторых окончаний сущ. жен. рода твердой разновидности (тип *žena*) на все родовые категории и типы склонения (ср.: *ženata* > *pánata, městata*), признаки родовой унификации (под влиянием разговорной речи) в склонении прилагательных (ср.: *krásný jablka* вм. *krásná jablka*). В этом же аспекте могут рассматриваться динамические процессы в глагольном словоизменении; ср. инфинитивные формы глаголов типа *péct (vléct, téct, tlouct, moct)* вм. *pěci, vléci, řici, téci* (последние, как комментируется в НГ, встречаются в литературе более раннего периода либо в текстах высокого стиля). Симптоматичными являются факты изменения глагольного управления и пр.

Помимо фиксации альтернативных языковых средств, сосуществующих в литературной норме, в НГ приводятся (с соответствующей маркировкой) формы слов или же отдельные слова, имеющие специфический социолингвистический "шлейф". Как правило, речь идет о не санкционированных литературной кодификацией включениях из разговорной речи, в том числе из региональных или же социальных идиомов. Важное место занимает социолингвистическая характеристика в главе о лексикологии. Здесь разграничивается лексика, принадлежащая к "репрезентативному литературному языку", и лексика нелитературных языковых идиомов, в том числе территориальных и социальных диалектов.

В составе **социально** маркированного словарного состава выделяются пласты лексики, относимой к полуидиомам (*poloúvary*) – **профессиональной речи, арго**. Говоря о прозрачности границ между профессиональной речью и производственным сленгом, автор отмечает, что последний включает терминологические обозначения, не санкционированные кодификацией.

Внутри **хронологически** маркированной лексики выделяются, с одной стороны, слова устаревающие (архаизмы, историзмы); с другой – неологизмы, причем и те, и другие автором главы отнесены к периферии лексической системы.

В рамках словарного состава противопоставляются два лексических пласта: слова нейтральные, которые могут использоваться в любой ситуации, и слова, маркированные по временному, эмоциональному и функционально-стилевому признаку. Среди слов, имеющих **территориальную** маркированность, вычленяются **диалектизмы**, т.е. диалектные эквиваленты для литературных аналогов типа *peřina* 'перина' (лит.) – *duchna, svrchnice, devětnice, poduška, velká peřina*; **регионализмы**, связанные с более обширным региональным пространством – это прежде всего моравизмы (*deska, dědina, sdělat, stolař* и пр.) и чехизмы (соответственно: *prkno* 'доска', *vesnice* 'деревня', *sundat* 'снять', *truhlář* 'столяр'). Примечателен комментарий о том, что областная лексика нередко может восприниматься как допустимые в литературном языке варианты с региональной окраской. Приводятся здесь и так называемые **этнографизмы** типа *fěrtoch* 'фартук', *krpce* 'разновидность деревенской обуви типа сандалий', *kordule* 'жилетка как часть национального костюма'.

Нельзя не отметить, что авторы НГ по мере возможности комментируют территориальное распространение тех или иных языковых средств. Это прослеживается в целом ряде глав грамматики, например, в главе о лексикологии, где, помимо прочего, отмечается факт значительного совпадения словарного состава территориальных диалектов и литературного идиома. Последнее наблюдение является дополнительным подтверждением того, что различия между литературной и разговорной речью следует искать прежде всего в специфике речевого поведения и, соответственно, в специфике организации текста (см. по этому поводу: [Нещименко 1999]).

В качестве особого слоя словарного состава чешского языка рассматривается лексика идиома *obecná čeština*, который из интердиалекта стал ныне языком повседневного общения, правда, прежде всего в Чехии; ситуация в Моравии несколько

иная. Отмечается также факт проникновения элементов идиома *obecná čeština* в литературный чешский язык, особенно устный (*bál, bramboračka, holka, kluk*).

Важно подчеркнуть, что в НГ фиксируются различия между чешским и моравским речевым узусом – соответствующие примеры встречаются, в частности, при описании морфологических особенностей современного чешского языка (ср. колебания при определении рода у ряда существительных, например, *bronz, kyčel, rez, esej, Olomouc* и т.п.). Как региональный моравский вариант оценивается окончание *-i* во мн. числе у фамилий: *oba Stuchlíci*. Число подобных случаев достаточно велико.

Очень ценными представляются замечания, касающиеся использования тех или иных морфологических категорий не только в литературном языке, но и за его пределами, т.е. в разговорном (= субстандартном) узусе. Из множества иллюстративных примеров приведем лишь некоторые: замена зват. пад. на им. пад. в разговорной речи (типа *pane Novák* вм. *pane Nováku*); вытеснение кратких прилагательных полными (*Přišla v mamínčině sukni*) – небезынтересно наличие сходного образования в экономической терминологии современного чешского литературного языка: *dceřiný podnik* (русский аналог – *дочернее предприятие*). Большое количество помет подобного рода имеется в разделе о глагольном словоизменении (ср. субстандартные формы 1 л. мн. числа *budem, nesem, físknem*, 1 л. ед. числа *bysem*). Отмечается также, что в отличие от литературного языка в разговорной речи семантическая специализация предлогов не является столь четкой. Так, предлог *skrz* может означать как "через" (*Prostrčil ruku skrz otvor*), так и "из-за" (*Skrz tebe nemůže jít do kina*). Ср. также русск. просторечное: *через тебя я опоздал*.

Внимание к специфике разговорной речи выгодно отличает НГ от целого ряда предшествующих грамматик. Это тем более важно, так как разговорная речь в любом языке является мощным фактором влияния на развитие литературной нормы. В условиях чешской языковой ситуации данное обстоятельство приобретает особое значение в силу высокого социолингвистического статуса разговорных идиомов, прежде всего феномена *obecná čeština*.

Подытоживая, можно сказать, что грамматики 90-х годов и конкретно "Настольная грамматика чешского языка" вносят важный вклад в развитие чешской языковой культуры. В них содержится большой фактографический материал, осмысляемый в свете новейших достижений современной лингвистической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Нещименко Г.П., Гайдукова Ю.Ю. 1994 – К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М., 1994.
- Нещименко Г.П. 1999 – Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков). München, 1999.
- ЧЯРЯ – Čechová M. a kolektiv autorů. Čeština. Reč a jazyk. Praha, 1996.
- Bartošek J. 1997 – Diskutovat, ale ne pořád dokola. Jazykovědné aktuality. 1997. № 3–4.
- Brabcová R a kolektiv 1996 – Čeština našich dní. Praha, 1996.
- Čermák F. 1997 – Obecná čeština: je součástí české diglosie? // Jazykovědné aktuality. 1997. № 3–4.
- Čeština všední i nevšední 1972 – Čeština všední i nevšední. Kolektiv autorů Ústavu pro jazyk český ČSAV. Praha, 1972.
- Čmejrková Sv., Daneš Fr., Kraus Jiří, Svobodová I. 1999 – Čeština, jak ji znáte i neznáte. Praha, 1996.
- Dokulil M. 1962 – Tvoření slov v češtině. D. 1: Teorie odvozování slov. Praha, 1962.
- Eisner P. 1992 – Rady Čechům, jak se hravě přiučíti češtině / Ed. A. Stich. Praha, 1992.
- Gebauer J., Ertl V. 1928 – Krátká mluvnice česká pro nižší třídy středních škol. Praha, 1928.
- Gebauer J., Trávníček Fr. 1936 – Příruční mluvnice jazyka českého pro učitele a studium soukromé. V Praze 1936.
- Havránek B., Jedlička A. 1960 – Česká mluvnice. Praha, 1960.

- Hronek J., Sgall P.* 1996 – Některé aktuální otázky jazykové kultury češtiny // Jazykovědné aktuality. 1996. № 1–2.
- Chloupek J.* 1968 – Pověry o češtině. Brno, 1968.
- Chloupek J.* 1974 – Knížka o češtině. Praha, 1974.
- Jílek Fr.* 1967 – Vtipná čeština. Praha, 1967.
- Kořenský J.* 1996 – O češtině dnešní a zítřejší – výzva k diskusi // Jazykovědné aktuality. 1996. № 1–2.
- Koževniková Kv.* 1984 – Aby řeč nestála. Praha, 1984.
- Mluvnice češtiny. D. 1–3. Ústav pro jazyk český ČSAV. Praha 1986–1987.
- Pravidla českého pravopisu 1993 – Pravidla českého pravopisu. Ústav pro jazyk český AV ČR. Školní vydání. Praha, 1993.
- Příruční mluvnice češtiny 1995 – Příruční mluvnice češtiny. Kolektiv autorů Ústavu českého jazyka Filozofické fakulty Masarykovy univerzity v Brně // Ed. P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová. Praha, 1995.
- Stich A.* 1995 – K obecné češtině v současné české próze (Ota Pavel) / Naše řeč. 1975. № 4.
- Starý Zd.* 1994 – Ve jménu funkce a intervence. Praha, 1994.
- Šlosar D.* 1985 – Jazyčník. Praha, 1985.
- Šmilauer Vl., Váhala Fr.* 1963 – O češtině pro Čechy. Praha, 1963.
- Trávníček Fr.* 1951 – Mluvnice spisovné češtiny. T. I–II. Praha, 1951.
- Tvoření slov v češtině* 1967 – Odvozování podstatných jmen. Kolektiv autorů Ústavu pro jazyk český ČSAV. Praha, 1967.